

ВВЕДЕНИЕ

В марте и апреле 1920 года во Владивостоке и Верхнеудинске при поддержке большевиков были провозглашены два правительства, претендующие на территорию российского Дальнего Востока, а 27 апреля 1921 года Учредительное собрание Дальнего Востока, избранное в ходе всеобщих выборов, но также контролируемое большевиками, официально завершило создание Дальневосточной республики (ДВР) со столицей в Чите. Формально ДВР была демократическим государством с капиталистической экономикой. Провозглашение российского Дальнего Востока от Байкала до Тихого океана суверенным государством, на первый взгляд, не способствовало целостности постимперской России. С точки зрения некоторых современников, создание независимого переселенческого государства стало воплощением идей сибирского областничества — движения, стремившегося к правовой и экономической автономии Северной Азии¹. Многие, впрочем, не верили в независимость государства, правительство которого находилось под контролем большевиков, и считали ДВР аванпостом Коммунистического интернационала (Коминтерна), решительно отвергавшего национальные государства как форму политической организации и, следовательно, враждебного национализму².

---

¹ Norton H. K. *The Far Eastern Republic of Siberia*. London: G. Allen & Unwin Ltd, 1923.

² Коммунистический интернационал. 1919 г. 1 мая. № 1, С. 11–12, 19–20.

Однако ДВР не стала ни проявлением регионального самоопределения, ни проводницей большевистского интернационализма. Действительно, Александр Михайлович Краснощёков, уроженец Украины, который вернулся в Россию из США в 1917 году и стал главным большевистским архитектором ДВР, был сторонником региональной автономии, в то время как его соперник Борис Захарович Шумяцкий, видный сибирский большевик, относился к национальному суверенитету без особого пиетета и стремился спровоцировать серию революций в Восточной Азии. Большая часть большевистского руководства региона, однако, опиралась на российский (и зачастую русский)¹ национализм, когда на поддержку ДВР нужно было мобилизовать население, включая членов партии. Хотя распад бывшей Российской империи в ходе Гражданской войны, а также опыт политической независимости и способствовали консолидации российского Дальнего Востока как отдельного региона в рамках советского имперского образования, дальневосточный регионализм так и не достиг размаха сибирского областничества и остался укорененным в российском национализме².

Поддержка большевиками российского (и, особенно, русского) национализма может показаться парадоксальной, однако он занял важное место в их риторике. Впрочем, апелляции к российскому национализму не были исключительно политическим ходом. Большевики не только использовали националистический дискурс, но и поставили в зависимость от него свою внешнюю и внутреннюю политику, что способствовало их отходу от радикального интер- и транснационализма и созданию новой версии российского имперского национализма.

¹ Деление на русский и российский национализм для указанного периода весьма условно. В контексте данной монографии под русским национализмом понимается этнически эксклюзивная интерпретация политического сообщества, а под российским — имперская, инклюзивная. В источниках четкой дифференциации между словами «русский» и «российский» нет.

² Сибирское областничество, впрочем, тоже было тесно связано с российским национализмом. Объясняя идеи видного областника Николая Михайловича Ядринцева своим читателям, Григорий Николаевич Потанин, другой видный областник, подчеркнул, что патриотизм по отношению к своему региону (Сибири) не противоречит патриотизму в отношении всей России, а дополняет его (*Потанин Г. Н. Нужды Сибири (1908) // Потанин Г. Н. Избранное / Сост. А. П. Казаркин. Томск: Томская писательская организация, 2014. С. 112*).

Особенно сильны оказались этатистские (государственнические) и оборонческие элементы националистического дискурса, получившие распространение среди значительной части населения империи в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)¹. Необходимость сохранения российского Дальнего Востока в составе Российского государства, советского или несоветского, а также его защиты от японского империализма стала главным лозунгом как при формировании ДВР в 1920–1921 годах, так и при ее включении в состав Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (РСФСР) в 1922 году, после того как японцы покинули материковую часть региона. Многие местные большевики искренне поддерживали русское национальное дело, а некоторые из них относились с явным шовинизмом к крупнейшим меньшинствам региона — бурят-монголам (бурятам), украинцам, корейцам и китайцам. Большевики были не единственными, кто претендовал на роль представителей русской (и российской) нации в регионе. Их оппоненты — забайкальский казак Григорий Михайлович Семёнов, юрист Спиридон Дионисьевич Меркулов и другие руководители антибольшевистских правительств — тоже выступали в амплу защитников русских интересов, стремясь добиться поддержки населения. Но их мнение о том, что лучше зависеть от Японии, чем быть частью антинационального Советского государства, не нашло понимания среди большинства жителей российского Дальнего Востока, многие из которых имели смутное представление о Советской России в ее первые радикальные годы, а за время интервенции стран Антанты (1918–1922 гг.) успели стать непримиримыми противниками иностранного военного присутствия.

Как ни странно, лозунг национальной независимости России от иностранного государства, а не от большевиков встретил сочувствие и среди японской, американской и другой иностранной общественности, которая «говорила» на глобальном языке

---

¹ Национализм стал одним из важнейших глобальных и имперских дискурсов в годы Первой мировой войны, а военная мобилизация — важнейшим прототипом мобилизаций в революционный и раннесоветский периоды; к ней прибегали как большевики, так и их оппоненты (*Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002; *The Empire and Nationalism at War* / Eds. E. Lohr, V. Tolz, A. Semyonov, M. Von Hagen. Bloomington, IN: Slavica, 2014).

национализма. В момент присоединения ДВР к РСФСР многие в мире уже считали большевиков российским правительством и центром нового имперского образования. К примеру, Гарольд С. Квигли, анализируя недолгое существование республики, отметил, что советские лидеры не считают, что создание на территории Российской империи таких формально независимых государств, как ДВР или Советская Украина, «прочерчивает политическую границу и создает суверенный анклав, отделенный от русского [или российского] народа в целом»¹.

Большевики сумели максимально ослабить как местных, так и иностранных оппонентов в регионе, обратившись к леволиберальной версии российского имперского национализма, которая получила распространение среди дальневосточной общественности в годы Первой русской революции 1905–1907 годов и достигла своего расцвета во время Февральской революции 1917 года. Леволиберальный имперский национализм, который можно определить как синтетический и амбивалентный дискурс², основывающийся на включении этнических русских и нерусских бывшей империи в одно сообщество, а также как политическую программу наделения более широкими правами и возможностями маргинализированных классов, национальных меньшинств и других социальных групп, позволил большевикам привлечь на свою сторону как сторонников единства российского государства, так и тех, кто выступал за частные (партикуляристские) интересы своих групп³. Хотя некоторые бурят-монголы и корейцы поддерживали Семёнова и С. Д. Меркулова, обещания

¹ Quigley H. S. The Rise and Fall of the Far Eastern Republic // Chinese Social and Political Science Review. 1924. № 8 (1). P. 134.

² Brubaker R. The Manichean Myth: Rethinking the Distinction between «Civic» and «Ethnic» Nationalism // Nation and National Identity: The European Experience in Comparison / Ed. by H.-P. Kriesi, K. Armingeon, H. Siegrist, A. Wimmer. Zurich: Rügger, 1998. P. 55.

³ Хотя общее пространство русского языка играло важную роль в «воображении» этого сообщества (Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Rev. and extended ed. London: Verso, 1991), роль объединителя разных групп населения отводилась преобразованному имперскому государству. Подробнее об имперском национализме и самоорганизации см.: A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / Ed. by R. G. Suny, T. Martin. Oxford: Oxford University Press, 2001 (см. русск. перевод: Государство наций. Империя и национальное

национальной автономии, отчасти выполненные в ДВР, а также поддержка Коминтерном монгольского и корейского национальных движений уменьшили число противников большевиков среди самых крупных организованных национальных меньшинств региона. Умеренная экономическая политика большевиков, введенная в ДВР в 1920 году, а в РСФСР получившая название новой экономической политики (НЭП) в 1921 году, казалась многим крестьянам региона и некоторым предпринимателям лучшей альтернативой полной экономической зависимости от Японии. В конце концов, «левый» и «либеральный» аспекты националистического дискурса многими в регионе воспринимались в экономическом, а не в политическом смысле и необязательно подразумевали создание по-настоящему представительного правления.

Социальные и экономические компромиссы оказались недолговечными. Корейцы не получили автономии и в 1937 году подверглись насильственному переселению с Дальнего Востока. Буддисты-буряты столкнулись с религиозными преследованиями уже в 1920-е годы. Частное предпринимательство было заключено в жесткие рамки, а после отмены НЭПа в 1928 году практически ликвидировано. В ходе начавшейся в 1929 году коллективизации зажиточные крестьяне всех национальностей были раскулачены — как и повсюду в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР). Но большевики продолжили осуществление своих государственных националистических лозунгов. Внешняя политика на Дальнем Востоке стала опираться в первую очередь на имперские государственные, а не классовые интересы еще до 1925–1926 годов, когда построение «социализма в отдельно взятой стране» стало основным принципом Советского государства. В 1930-е годы Дальний Восток вновь стал чем-то вроде региона-«крепости», как и в Российской империи, где он представлялся русским национальным аванпостом во враждебном международном окружении¹.

строительство в эпоху Ленина и Сталина / Под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина. М., 2011); *Empire Speaks Out: Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire* / Eds. I. Gerasimov, J. Kusber, A. Semyonov. Leiden: Brill, 2009.

¹ Подробнее об официальном отношении к региону в период Российской империи см.: *Schimmelpenninck O.D. van der. Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan*. DeKalb, IL: Northern Illinois

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	5
Пояснение к тексту	7
Введение	8
<i>Глава 1</i>	
Леволлиберальный национализм и самоорганизация к востоку от Байкала, 1905–1916 годы	52
<i>Глава 2</i>	
Постимперские партикуляризмы на Дальнем Востоке, 1917–1919 годы	126
<i>Глава 3</i>	
Националистические дискурсы и создание Дальневосточной республики, 1920 год	203
<i>Глава 4</i>	
Дальневосточная республика и Приамурское государственное образование, 1921 год	277
<i>Глава 5</i>	
Альтернативные националистические дискурсы и советизация Дальнего Востока, 1922 год	350
Заключение	433
Список сокращений	437
Библиография	439
Именной указатель	462